

Владимир БОНДАРЕНКО

г. Москва

Игорь Северянин весь пронизан Севером. От своего псевдонима, откровенно говорящего о северном происхождении поэта, до воспетых им северных рек. Впрочем, он и всю жизнь свою прожил на Севере, родился в Петербурге, лет до девяти жил с родителями в Гатчине, затем с отцом уехал в Череповецкий уезд. Там, в лотаревской усадьбе Сойвола, на берегу северной реки Суда, он и прожил до 1903 года.

Родился Игорь Северянин в Петербурге в доме номер 66 по улице Гороховой 4 (16) мая 1887 года в семье капитана I-го железнодорожного батальона (впоследствии полка) Василия Петровича Лотарёва (1860 – 10.06.1904, Ялта). Мать, Наталья Степановна Лотарёва (1857-13.11.1921, Эстония, Тойла), урождённая Шеншина (дочь предводителя дворянства Шигровского уезда Курской губернии Степана Сергеевича Шеншина), по первому браку Домонтович (вдова генерал-лейтенанта Г.И.Домонтовича). Среди его предков и поэт Афанасий Фет (Шеншин), и, предположительно, историк Н.М.Карамзин. Впрочем, и Шеншины, и Домонтовичи дали немало славных представителей России.

После кончины первого своего мужа Наталья Степановна вскоре познакомилась с молодым офицером Василием Лотаревым и вышла за него замуж. У Игоря Лотарева была и старшая сестренка от первого брака.

Как позже писал в стихах Игорь Северянин:

*По-своему прекрасно. Зою,
Что старше на двенадцать лет,
Всегда я вспоминаю нежно.
Как жизнь ее прошла элежно!
Ее на свете больше нет,
О чем я искренне жалею:
Она ведь лучшею моею
Всегда подрукою была.*

...

*Мать с ней жила в Майоренгофе, –
Ах, всякий знает рижский штранд! –
Когда с ней встретился за кофе
У Горна юный адъютант.
Он оказался Лотаревым,
Впоследствии моим отцом;
Он мать увлек весенним зовом,
И все закончилось венцом.*

О первых годах жизни поэта известно мало. Тем более жизнь родителей не сложилась, и в 1897 году отец, оставив сестренку с мамой, взял с собой сына, и они уехали в Череповецкий уезд. Там и подрастал будущий поэт, на северной природе, в имении своей тетки Елизаветы Петровны Лотаревой «Сойвола» на реке Суда, километрах в тридцати от Череповца. Недалеко от Сойволы позже было выстроено и имение дяди Игоря «Владимировка», где сейчас находится литературный музей Игоря Северянина. Учился, и надо сказать – плохо учился, четыре года в Череповецком реальном училище, которое так и не закончил. Директором училища был в то время милейший князь Б.А.Тенишев, которого Игорь Северянин всегда вспоминал с удовольствием, в отличие от самой учебы, которую не любил.

*Для всех секрет полишинеля,
Как мало школа нам дает.
Напрасно, нос свой офланеля,
Ходил в нее я пятый год:
Не забеременела школа
Моим талантом и умом,
Но много боли и укола
Принес мне этот «мертвый дом»,
Где умный выглядел ослом.
Убого было в нем и голо, –
Давно пора его на слом!..*

Невзлюбил учебу, но страстно полюбил богатую природу Севера и пристрастился к рыбной ловле. Именно в имении Сойвола подрастающий Игорь привык к дальним пешим походам, к рыбалке. Рос на воле и на воде диким подростком. Отец всегда был занят и в отъездах, тетка все ему позволяла, тут не до учебы, столь ненавистной ему:

*Ту зиму прожил я в деревне,
В негодовании зубря
Все то, что все мы зубрим зря.
Я алгебрил и геометрил.
Ха! Это я-то, соловей!
О счастье! Я давно разветрил
«Науки» в памяти своей...*

Вот и занялся сложением стансов, забросив учебник за забор. Думаю, эта явная недообра-

зованность во всем мешала ему всю жизнь. Проучился всего четыре года, да еще и оставался на второй год. Так и недоучившись в реальном училище, уехал с отцом в 1903 году на Дальний Восток, в Дальний и Порт-Артур, но и там долго не протянул, поссорился с отцом и в одиночку в самом конце 1903 года отправился из Порт-Артура к матери в Гатчину. Но именно на Дальнем Востоке решил взять себе псевдоним, выбрал Игорь-Северянин, как единое целое, как Мамин-Сибиряк, Новиков-Прибой. Но об этом в отдельной главе.

Все-таки, псевдоним – Северянин – он взял из любви к Русскому Северу. Да и стихи начал писать тоже на севере. Уже уехав с отцом в Порт-Артур, в октябре 1903 года Игорь писал, вспоминая уже на всю жизнь любимые места:

СОЙВОЛСКАЯ БЫЛЬ

*– Я стоял у реки, – так свой начал рассказ
Старый сторож, – стоял и смотрел на реку.
Надвигалась ночь, навевая тоску,
Все предметы – туманнее стали для глаз.
И, задумавшись, сел я на камне, смотря
На поверхность реки, мысля сам о другом.
И спокойно, и тихо все было кругом,
И темнела уже кровавая заря.
Надвигалась ночь, и туман над рекой
Поднимался клубами, как дым или пар,
Уж жужжал надоедливо глупый комар,
И летучая мышь пролетала порой.
Вдруг я вздрогнул... Пред камнем течение реки
Мчало образ Святого Николы стремглав...
Но, внезапно на тихое место попал,
Образ к берегу, как мановеньем руки
Чьей-то, стало тянуть. Я в волненьи стоял,
Я смотрел, ожидал... Образ к берегу плыл
И, приблизившись к камню, как будто застыл
Предо мной. Образ взяв из воды, я рыдал...
Я рыдал и бесцельно смотрел я в туман
И понять происшедшего ясно не мог,
Но я чувствовал ясно, что близко был Бог, –
Так закончил рассказ старый сторож Степан.*

18 октября

Порт-Дальний на Квантуне

И это написал шестнадцатилетний подросток, воспитанный в православной вере и влюбленный в родной Север. В окрестностях Череповца

(теперь это Вологодчина), в северных лесах и на берегах северных рек впервые явилась ему его Муза («Лесофея»), отсюда и поздний псевдоним поэта – «Северянин». Много лет спустя, уже в эмиграции, он воскрешал в стихах места своего детства, и всегда при этом звучала в них ностальгическая нота: «О Суда! Голубая Суда! Ты внучка Волги! Дочь Шексны! Как я хочу тебя отсюда!» («Роса оранжевого часа»).

Я проехал по всем северным местам жизни поэта, начиная от Череповца и заканчивая литературным музеем Северянина во Владимировке. Ездил и в Сойволу, но после строительства водохранилища старую Сойволу подтопило, и дом, где жил Игорь Северянин, не сохранился. Сам прошелся по берегам холодной северной реки Суды, покатался на лодке. Да и жил в имении Владимировка, в том самом доме, где какое-то время у своего дяди жил и Северянин. Мне для написания книги всегда надо поставить себя на место героя. Когда писал о Лермонтове, жил в Тарханах и Пятигорске, писал о Бродском, жил то в деревне Норенской, то в Венеции, побывал и в Америке. Вот и сейчас езжу по местам Игоря Северянина, то в Гатчину и мызу Ивановка, то в эстонскую Тойлу и Усть-Нарву, то забираюсь в череповецкую глушь, где до сих пор в этой самой Владимировке нет ни водопровода, ни канализации, живут как в каменном веке. Газ продаем по всему миру, а сама Россия на треть не газифицирована...

В 2002 году в Череповце вышла книга В. Минина «Усадьба «Сойвола». Впрочем, и сам краевед живет там же, где мы с ним мило и пообщались. Как считает Минин: «Теперь известны все четыре памятных места на череповецкой земле, о которой Игорь-Северянин тосковал в Эстонии: усадьба и фабрика тети Елизаветы Петровны Журовой на Андоге, притоке Суды. Город Череповец, где на здании бывшего реального училища установлена мемориальная доска поэту. Дом М.П. Лотарева во Владимировке, где уже 6 лет существует литературный музей поэта. Поселок Сойволовское – родниковое место его поэзии».

Позже поэт вспоминал: «С 1896 г. до весны 1903 г. я провел преимущественно в Новгородской губернии, живя в усадьбе Сойвола, расположенной в 30 верстах от Череповца...» (И. Северянин. «Уснувшие весны»).

*Шексна моя, и Ягорба, и Суда,
Где просияла первая любовь,
Где стать поэтом, в силу самосуда,
Взбурленная мне предредила кровь.*

На Суде он провел свое детство, стал поэтом, спустя сорок лет на Россони и Нарове он закончил свою жизнь. Так и вижу его мальчиком с удочкой в руках и позже уже зрелым мужчиной все с такой же удочкой в руках. Менялись только северные реки.

Все любители поэзии Северянина едут со всей России в единственный литературный музей его имени в имении Владимировка. Старинный двухэтажный дом, построенный дядей поэта в 1899 году. Многие думают, что в этом сохранившемся с дореволюционных времен массивном двухэтажном доме поэт и жил. На самом деле это не так. И по уверениям краеведа Минина, во Владимировке у своего дяди поэт появился чуть ли не после возвращения из Порт-Артура.

Как пишет сам поэт в поэме «Падучая стремнина»:

*К концу Поста приехал из имения –
В столицу дядя Миша по делам. –
Он пригласил меня к себе поехать –
Встречать совместно Пасху. Вся Семья,
за исключением дочери замужней,
Моей кухни Лили, собралась
В усадьбе. Я любил край Новгородский,
Где отрочество все мое прошло. –
И с радостью поехать согласился...*

И было это уже в апреле 1906 года, уже после его дальневосточной поездки. Виталий Николаевич Минин считает, что это был его первый приезд во Владимировку, мол, ранее никогда поэт о ней не вспоминал. Но после моих поездок и в Сойволу, и во Владимировку не могу поверить, что подросток, сам ли или же с отцом или тетушкой, ни разу не побывал у своего дяди, построившего свой могучий дом всего-то километрах в тридцати от Сойволы. Даже на лодке можно было доехать. Тем более, дядя Михаил Петрович племянника любил и потом не раз помогал ему в жизни. Даже когда в годы учебы в Череповецком училище мальчик Игорь ездил из Череповца домой, он мог бы завернуть в гости к дяде, прямо по дороге. Но неужели он ни разу не ездил со своей

тетушкой в гости к своему дяде Михаилу Петровичу Лотареву, имение которого располагалось неподалеку от Сойволы? Не верю.

Да, жил в «присудской Сойволе своей», но, конечно же, обошел и объездил все окрестности и, уверен, бывал и у своего богатого дядюшки во Владимировке.

Первой поселилась на Суде его тетушка, владевшая в Череповецком уезде обширными имениями, а заодно и картонной фабрикой. Когда ее брат Василий Петрович Лотарев поссорился со своей женой, он решил с сыном тоже податься в северные края. Тем более к тому времени военный инженер Лотарев уже вышел в отставку и имел кое-какие сбережения. Решил вместе с сестрой построить новую бумажную фабрику на Суде, вложил все свои капиталы в строительство. Оснастил все новейшим импортным оборудованием, но начался кризис, спроса не было, и Василий Петрович за гроши продал фабрику удачливому дельцу, который и развернул производство. Картонная фабрика работала и в советские годы, но в связи со строительством водохранилища была закрыта.

Получается, что мы с отцом поэта коллеги по профессии, я тоже по первой профессии инженер-бумажник и хорошо знаю все северные бумажные комбинаты. Знаю, что окружало Игоря в его детские годы, какие запахи шли от целлюлозного производства. Вот он и уплывал подале на лодке или уходил в лес, собирая ягоды. Рос таким диким природным парнишкой, уходил на лодке подале на речные просторы или же на лошадке уносился в череповецкие «прерии», начитавшись Фенимора Купера. Книжки он читать очень любил, а вот учебу презирал.

*Череповец, уездный город,
Над Ягорбой расположон,
И в нем, среди косматых бород,
Среди его лохматых жен,
Я прожил три зимы в Реальном,
Всегда считавшемся опальным
За убиение царя
Воспитанником заведенья,
Учась всему и ничему
(Прошу покорно снисхожденья!..)
Люблю на Севере зиму,
Но осень, и весну, и лето
Люблю не меньше. О поре
О каждой много песен спето.*

На годы учебы в Череповце отец вызвал из Петербурга мать поэта, счастью не было предела, но учиться своенравный подросток все равно не желал. После второго класса он был оставлен на второй год. Другое дело учинить какую-нибудь проказу, затащить, к примеру, жеребенка на второй этаж дома...

*Я про училище забыл,
Его не посещая днями;
Но папа охладил мой пыл:
Он неожиданно нагрязнул
И, несмотря на все мольбы,
Меня увез. Так в Лету канул
Счастливей час моей судьбы!
А мать, в изнеможеньи горя,
Взяв обстановку и людей,
Уехала, уже не споря,
К замужней дочери своей.*

Свою северную жизнь позже поэт описал в поэме «Роса оранжевого часа». Как вспоминает Минин: «...Ныне на Суде есть поселок Сойволское. Теперь это дачное место... Но Северянин дал еще и поэтические приметы своей духовной колыбели. Рассказывая об усадьбе, он говорит, что «был правый берег весь олесен». В описываемом месте Суды таковым он остается до сих пор. И еще плёсо реки здесь расположено с запада на восток, так что огромный шар утреннего солнца, выкатываясь из-за леса, заливают оранжевым светом и зеркальную водную гладь, и прибрежные луга в каплях росы. Такую картину наблюдал юный рыбак Игорь Лотарев. Вот откуда поэтический образ – «роса оранжевого часа»...»

Нынешние дачники из Сойволского и знать не знают ни про какого Северянина. Хотя до музеев во Владимировке всего час езды.

Название усадьба «Сойвола» получила от речки, по берегам которой размещались приписанные фабрике леса. Дом для новой усадьбы, громадный, двухэтажный, закупили в помещицьем имении на реке Колпи, сплавив его в разобранном виде. Об этом доме ходили мрачные легенды, ходили слухи, что в нем жило семь сестер-помещиц, убивавших своих маленьких новорожденных детей. «Они детей своих внебрачных бросали на дворе в костер, а кости в борах чердачных муравили». Затем дом перекупи-

ла помещицья пара, вскоре кончившая жизнь самоубийством. И вот в таком доме мальчик Игорь жил один на втором этаже, по ночам он дрожал от страха, ему чудились привидения и покойники. Днем он отдыхал на природе. Катался на лыжах, на лодках, на лошадях, ходил в одиночку в дальние походы.

Имение «Владимировка» брат Василия Петровича Михаил Петрович начал строить лишь в 1899 году по такому же типу, как была построена «Сойвола». Есть в книге Минина и подборка цитат Игоря Северянина, посвященных любимой Суде. В стихах он много раз называл точный адрес своей поэтической колыбели.

И какими только словами не ласкал свою судьбоносную реку: «лучезарная Суда», «русло моего пера», «моя незаменимая река», «прозрачно-струйная»... За стремительность течения он сравнивал Суду с быстроногим оленем. Северянин любил ее олесенные берега, но знал он и Суду-трудягу:

*С утра до вечера кошовник –
По Суде гонится в Шексну...*

Или:

*За ними «тихвинки» и баржи –
Спешат стремглав вперегонки...*

Или:

*И вновь, толпой людей рулима, –
Несется по теченью вниз, –
Незримой силою хранима, –
Возить товары на Тавриз –
По Волге через бурный Каспий, –
Сама в Олонецкой родясь...*

Уже забыв о первых питерских годах жизни, юный Игорь рос как коренной северянин, жил природной стихийной жизнью. С одной стороны, детство поэта было более чем благополучно, роскошный двухэтажный дом, лодка, своя лошадка. С другой стороны, он практически рос как сирота, никем не контролируемый, и остро чувствовал свое одиночество. Думаю, если бы не любовь к поэзии, он бы ушел в революционеры. Игорь Северянин пишет в поэме «Роса оранжевого часа»:

*Завод картонный тети Лизы
На Андоге, в глухих лесах,
Таил волшебные сюрпризы
Для горожан, и в голосах
Увиденного мной впервые
Большого леса был призыв
К природе. Сердцем ощутив
Ее, запел я; яровые
Я вскоре стал от озимых
Умело различать; хромым
Собак жалеть, часы на псарне
С борзыми дружно проводя,
По берегам реки бродя,
И все светлей, все лучезарней
Вселенная казалась мне.
Бывал я часто на гумне,
Шалил среди веселой дворни,
И через месяц был не чужд
Ее, таких насущных, нужд.
И понял я, что нет позорней
Судьбы бесправного раба,
И тайне ждал, когда труба
Непогрешимого Протеста
Виновных призовет на суд,
Когда не будет в жизни места
Для тех, кто кровь рабов сосут...*

Подрастал готовый революционер. Конечно, ему не позавидуешь, при живых отце с матерью рос он практически с теткой, занятой своим бизнесом, как в чужом доме. И уже тогда какая-то затаенная ненависть к городу, как чужому. Северный Маугли вдруг со временем стал всеобщим любимцем горожан, но тайне-то он их всегда не любил и презирал.

*Ты, выросший в среде уродской,
В такой типично-городской,
Не хочешь ли в край новгородский
Прийти со всей своей тоской?
Вообрази, воображенья
Лишенный грез моих стези,
Восторженного выраженья
Причины ты вообрази.
Представь себе, представить даже
Ты не умеющий, в борьбе
Житейской, мозгу взяв бандажу
Наркотиков, представь себе
Леса дремучие верст на сто,
Снега с корою синей наста,
Прибрежных скатов крутизну*

*И эту раннюю весну,
Снегурку нашу голубую,
Такую хрупкую, больную,
Всю целомудрие, всю – грусть...
Пусть я собой не буду, пусть
Я окажусь совсем бездарью,
Коль в строфах не осветозарю
И пламенно не воспою
Весну полярную свою!*

Нет, так до сих пор никто и не понял смысл поэзии Игоря Северянина, по-настоящему любящего лишь северную природу и простых северных людей. Да и в творчестве его всем известные поэзы о грезёрках составляют только малую часть. До сих пор иные поклонники поэта, приезжая в Череповецкий район в гости к Северянину, путают имение тетки поэта, его крестной матери, прозванное «Сойвола», с сохранившимся и поныне имением дяди во Владимировке, где и расположен сейчас литературный музей Игоря Северянина. Крестьянка Спирина некогда служила во Владимировке в усадьбе Михаила Петровича Лотарева, она писала еще в 1995 году И. В. Лотаревой: «Когда читаю о И. Северянине и усадьбе М. П. Лотарева, недоумеваю, почему усадьбу называют «Сойвола». Хотелось бы знать, почему усадьбе в д. Владимировка дано название другого населенного пункта, находящегося в нескольких километрах от этого дома, вниз по течению реки Суды. Пока были живы старые люди, узнавала. Никто из них не слышал, чтобы усадьба М. П. Лотарева называлась «Сойвола». А моя мама, работая у вашего деда почтальоном, заявляла, что когда приходили письма на имя Лотарева, то на конверте был указан адрес: «Новгородская губерния, Череповецкий уезд, станция Суда, усадьба Владимировка, его сиятельству инженеру-технологу М. П. Лотареву».

Любителям поэзии Северянина надо не полениться и от имения Владимировка проехать или пройти до поселка Сойволовское, посмотреть на истинно северянинские места.

*Но как же проводил я время
В присудской Сойволе своей?
Ах, вкладывал я ногу в стремя,
Среди оснеженных полей
Катаясь на гнедом Спирютке,
Порой на паре быстрых лыж,
Под девий хохоток и шутки, –*

*Поди, поймай меня! шалишь! –
Носился вихрем вдоль околиц;
А то скользил на лед реки;
Проезжей тройки колоколец
Звучал вдали. На огоньки
Шел утомленный богомолец,
И вечеряли старики.
Ходил на фабрику, в контору,
И друг мой, старый кочегар,
Любил мне говорить про пору,
Когда еще он не был стар.
Среди замусленных рабочих
Имел я множество друзей,
Цигарку покрутить охочих,
Хозяйских подразнить гусей,
Со мною взросло покалякать
О недостатках и нужде,
Бесслезно кой о чем поплакать
И посмеяться кое-где...*

Все-таки хоть почти сиротой он жил, но в барских, помещичьих условиях. Была у него своя лошадка, своя лодка, что же он, при своем буйном независимом характере и ни разу к дяде во Владимировку не заехал? Не верю. Увы, без родительского внимания, но в достаточно привольных условиях провел свою юность Игорь Лотарев. Учебой не занимался, но на девушек обращал самое пристальное внимание. После чисто детских влюбленностей в баронессу Дризен или в тридцатипятилетнюю Аделаиду Константиновну, уже повзрослев, он страстно влюбился в свою кузину Лилию, чуть постарше его. И сколько бы Лилия ни внушала ему, что никаких объятий и слияний тел или душ у них нет и не может быть, оставив надежды лишь на сестринскую любовь, Игорь по-прежнему был увлечен своей кузиной.

*Жемчужина утонков стилия,
В теплице взрощенный цветок,
Тебе, о лильчатая Лилия,
Восторга пламенный поток!
Твои каштановые кудри,
Твои уста, твой гибкий торс –
Напоминает мне о Лувре
Дней короля Louis Quatorze.
Твои прищуренные глаза –
...Я не хочу сказать глаза!.. –
Таят на дне своем экстазы,
Присудская моя лоза.*

Кончилось это тем, что когда его отец, завербовавшись на работу в пароходство в Порт-Артур, повез своего сына через Москву, где в это время и состоялась свадьба Лили, Игорь хотел кончить жизнь самоубийством. Хорошо, что не получилось. А дальше уже длиннее путешествие на поезде с отцом через Урал, Сибирь и Дальний Восток, запомнившееся ему на всю жизнь.

*Я видел сини Енисея,
Тебя, незлобивая Обь,
Кем наша «матушка Рассея», –
Как несравнимая особь, –
Не зря гордится пред Европой;
И как судьба меня ни хлопай,
Я устремлен душою всей
К тебе, о синий Енисей!
Вдоль малахитовой Ангары,
Под выступами скользких скал,
Неслись, тая в душе разгары;
А вот – и озеро Байкал...
Святое море! Надо годы
Там жить, чтоб сметь его воспеть!*

Заканчивается эта поэма, посвященная своему детству на Русском Севере, «Роса оранжевого часа», уже после феерического бала на крейсере «Рюрик» в Порт-Артуре, возвращением из китайских портов в родные места на Гатчине, где его ждала мама. И он мчался подростком,

один, через весь Дальний Восток и Сибирь, сбегав от отца к далекой родине своей:

*Чтоб целовать твои босые
Стопы у древнего гумна,
Моя безбожная Россия,
Священная моя страна!*

Семнадцатилетний подросток, вернувшись к концу 1904 года в Гатчину, взматеревший, обретший жизненный опыт и некую толику цинизма и иронии, уже прекрасно понимает свое Дао, свою творческую суть – быть русским поэтом и более никем.

Но гений русского поэта выкован был в северных реках, и нигде больше.

**При оформлении использована
фотография работы
томского скульптора
Леонтия Усова.**

Владимир Григорьевич БОНДАРЕНКО

родился в 1946 году в Петрозаводске.

Начинал печататься в журнале «Север».

Работал в «Литературной России», в журналах «Слово»,

«Октябрь» и «Современная драматургия».

Автор 27 книг о литературе, искусстве, политике.

Один из ведущих критиков России,

публицист, редактор.

Живет в Москве.

